

Юй Жань поднял голову и увидел Чу Мяня, сидящего на кровати в пижаме и играющего в телефоне. Волосы у того были растрёпаны — видимо, он тоже только что помылся в общежитии для учителей.

— Эй, — Юй Жань протянул руку к Чу Мяню, жестом показывая, чтобы тот его ущипнул.

Чу Мянь нахмурился, отпустил телефон и, словно выполняя привычное дело, взялся за предплечье Юй Жаня, одновременно предупреждая его:

— Тихо, не издавай ни звука.

Юй Жаню показалось, что крепкое сжатие предплечья приятнее массажа. Он просил многих парней из класса помассировать ему руки, но только у Чу Мяня сила нажима каждый раз оказывалась в самый раз — не сильно и не слабо, что приносило ему полное удовлетворение.

После того как «каналы энергий» в руке были «пробиты», Юй Жань, полный бодрости, отодвинулся, порылся в багаже, взял бумагу и ручку и забрался на кровать.

Чу Мянь подумал, что тот делает домашнее задание на осенние каникулы, но, присмотревшись, заметил, что Юй Жань на самом деле рисует лёжа на кровати. В руке он держал простой карандаш «2В» и, сосредоточенно низко склонив голову, выводил линии.

У помывшегося Юй Жаня кончик носа покраснел, волосы на лбу были зачёсаны назад, и выглядел он очень собранно. Чу Мянь привык видеть его разгильдяйскую манеру поведения и, заметив сейчас такое серьёзное выражение лица, невольно удивился.

Однако Чу Мянь не стал мешать ему звуками, а просто молча наблюдал за сосредоточенным видом Юй Жаня, за тем, как он рисует и тут же стирает резинкой, исправляя. Затем Юй Жань наклонился и дунул на бумагу; крошки от ластика покатались в сторону кровати Чу Мяня.

Чу Мянь тут же с отвращением воскликнул: «Юй Жань!», кинулся к подушке, схватил её и начал яростно отряхивать простыню ладонью.

Юй Жань разразился наглым смехом, бросил карандаш на кровать и сильно потянулся.

Чу Мянь зыркнул на него, затем опустил взгляд на бумагу:

— Что ты рисуешь?

— Так, балуюсь, — ответил Юй Жань.

Чу Мянью увидел на бумаге рисунок гипсовых геометрических тел. Он с детства видел множество таких в альбомах Чу Хэна. Хотя сам он не разбирался в изобразительном искусстве, всё же мог определить, что у Юй Жаня получается очень верно, и спросил его:

— Ты учился рисовать?

— Нет.

Чу Мянью хотел что-то сказать, но сдержался и, поколебавшись, не стал продолжать. Ему совсем не хотелось нахваливать Юй Жаня фразами вроде «у тебя неплохой талант», чтобы тот не зазнался.

Возможно, из-за того, что это был первый день военных сборов, инструкторы были ещё довольно снисходительны. Вечером они выстроили всех и заставили сделать несколько десятков приседаний, после чего отпустили. После отбоя Юй Жань лежал на кровати и играл в телефоне, слыша, как в коридоре инструктор обходит комнаты, проверяя и отчитывая.

Будучи старостой общежития, Юй Жань счёл своим долгом напомнить всем убрать телефоны. Когда в комнате воцарилась полная темнота, он вдруг выпалил:

— А как вы думаете... когда инструктор дойдёт до нас, если я встану за дверью, он меня заметит?

В комнате сначала повисла тишина на пару секунд, а затем остальные разразились хохотом, называя Юй Жаня «придурком» и «больным».

— Я попробую, только вы потом не смейтесь, а то меня спалите.

Чем больше Юй Жань думал о своём предложении, тем более осуществимым оно ему казалось. Он тут же взволнованно встал и, спустившись с кровати, бесшумно спрятался за дверью. Прижавшись ухом к стене, он ощущал, как шаги инструктора приближаются.

Скрип—

Когда дверь распахнулась, в комнату хлынул яркий свет из коридора.

— А вы тут послушные, — инструктор, заметив, что в комнате нет ни проблеска света от телефонов, остался весьма доволен.

— Неплохо, неплохо, завтра я вас отдельно отмечу, вы показали отличный пример.

В этот момент Юй Жаня от инструктора отделяла лишь дверь. Если бы инструктор открыл её чуть шире, он бы непременно заметил, что за ней кто-то прячется.

Это ощущение опасности щекотало нервы всем. Юй Жань изо всех сил прикусил нижнюю губу, чтобы не рассмеяться.

Но радость длилась недолго. Следующие слова инструктора заставили его улыбку застыть:

— А кто здесь староста? Спускайся, выйди, собрание.

Инструктор подождал. Никто не ответил. Он удивился:

— Староста? Уснул что ли?

Юй Жань очень хотел взглядом подать кому-то знак, чтобы те притворились, но в комнате был выключен свет, и при свете из коридора нельзя было разглядеть выражение лиц друг друга.

Инструктор поторопил снова. Юй Жаню ничего не оставалось, кроме как, собрав волю в кулак, медленно выйти из-за двери и предстать перед инструктором:

— Это я...

Внезапно появившаяся из ниоткуда тень, похожая на привидение, напугала даже инструктора, издавшего виды:

— Ты... ты чего там делаешь!

Как и следовало ожидать, Юй Жаня вытащили и как следует отчитали.

Когда он вернулся, в комнате царила атмосфера безудержного веселья.

— Чёрт, да у нас с вами вообще нет взаимопонимания! Ну кто-нибудь мог бы выйти и притвориться мной!

Фан Чжао смеялся до боли в животе, с трудом выговаривая:

— Можно-то было, но нам было интереснее посмотреть, как тебя накажут, ха-ха-ха...

— Иди ты к чёрту, — Юй Жань, вспоминая произошедшее, тоже рассмеялся вместе со всеми.

Забравшись на кровать, парни ещё немного пошептались о всякой ерунде, но вскоре все постепенно уснули. Храп Чжоу Вэйси и ещё двух парней раздавался то тут, то там, мешая Юй Жаню заснуть. Он, от нечего делать, просто смотрел в темноту.

Повернув голову, он спросил Чу Мяня, чья кровать стояла вплотную:

— Ты не спишь?

Через мгновение раздался низкий голос: «М-м-м».

Юй Жань, которому совсем не хотелось спать, перевернулся на живот и снова спросил:

— Может, выйдем, пройдемся?

— Ты опять что задумал?

— Скучно. Они слишком шумят, а я не хочу спать, — сказал Юй Жань.

— Сегодня утром, когда мы ехали, я видел в лесу озеро, похожее на парк. Пойдём, глянем?

Чу Мянь, в общем-то, был равнодушен к окружающей обстановке, но он слишком много спал днём, и почти каждую ночь его мучила бессонница до самого утра. Уж лучше отправиться с Юй Жанем в авантюру и скоротать время на свежем воздухе, чем слушать в комнате чей-то оглушительный храп.

Они оба тихонько встали, накинули куртки, обулись и, стараясь ступать бесшумно, выскользнули из общежития. Пройдя по коридору, они вышли на улицу.

— Ух ты, ночью и правда ни души, — Юй Жань снова начал воодушевляться.

Дороги на базе были совершенно безлюдны. Они намеренно обошли здание, где отдыхали инструкторы, и, петляя по тропинкам, углубились в лес. В центре и впрямь оказалось искусственное озеро, совсем маленькое и неглубокое. Фонари излучали бледный свет, привлекая к себе роящихся насекомых.

Юй Жань нашёл скамейку и сел, поманив Чу Мяня подойти.

— Сегодня вечером в столовой я чуть не лопнул со смеху. В третьем классе один парень такой толстый, что не влез в штаны по размеру, а когда вздохнул, пуговица отлетела. Инструктор как

раз говорил что-то, и пуговица прямо в рот ему залетела, — звонко смеялся Юй Жань, но Чу Мянью напомнил ему быть потише, чтобы их не обнаружили.

— Да ничего страшного, если заметят. Не пропишут же выговор за то, что мы не спим?

— Это дисциплина, Юй Жань, — тихо сказал Чу Мянью.

— Даже просто не спать — уже считается нарушением, и выписать выговор за это неудивительно.

Юй Жань повернулся к нему и спросил:

— Ну а если ты это знал, зачем тогда пошёл со мной?

Чу Мянью промолчал, устремив взгляд прямо перед собой на спокойную гладь озера. В воде отражался лишь свет фонаря. Подняв голову, можно было заметить, что небо сегодня затянуто тучами, нет ни луны, ни звёзд — лишь безрадостная пустота.

В безмолвной тишине Чу Мянью услышал звонкий голос Юй Жана:

— Чу Мянью, а кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Слабый ночной ветерок пробежал по шее, и Чу Мянью невольно втянул голову в плечи.

— Стать, когда вырастешь... кем?

Раньше Чу Мянью не придавал значения «взрослению». С самого рождения он видел мир выше и дальше, чем его сверстники. Будь то талант или положение в семье — всё, чего другие добивались с большим трудом, для него было легко доступно. Все условия, которыми он обладал, были наилучшими, и он твёрдо верил, что ему никогда не придётся, как другим, ждать «самого удобного момента».

Поэтому слово «взросление» для него в прошлом не имело особого смысла.

— Хочу стать врачом, — ответил Чу Мянью, глубоко вздохнув.

— Лучше всего невропатологом.

Юй Жань кивнул:

— Это из-за твоей болезни со сном, да?

— Да. Ведь я до сих пор не знаю, каков механизм её развития, и её нельзя вылечить полностью, — взгляд Чу Мянэ постепенно рассеивался.

— Врачи говорят, что многие люди выздоравливают сами, когда взрослеют, но до скольких лет считать «взрослым возрастом»

— они не уточняют. Если не повезёт, я, возможно, буду спать всю жизнь.

Юй Жэнь смотрел на чёткий профиль Чу Мянэ, приоткрыл было рот, но затем сказал:

— Ты встречал кого-нибудь с такой же проблемой?

— Пока нет, но это определённо не редкая болезнь.

— Тон Чу Мянэ был очень уверенным.

— За границей нарколепсия встречается часто, но в Китае диагноз поставлен очень немногим. Никто не пойдёт в больницу только из-за того, что много спит. На такого человека просто смотрят с удивлением, считают его ленивым, думают, что он ко всему относится спустя рукава.

Он сделал паузу и продолжил:

— Примерно один из каждых двух тысяч человек. Эта цифра намного выше, чем для действительно редких болезней, и это только число диагностированных в Китае. Большинство пациентов на самом деле даже не подозревают, что с ними что-то не так, и —

Голос Чу Мянэ оборвался. Кадык дернулся вверх-вниз. Он чувствовал, как волнение захлёстывает его, и не хотел заканчивать фразу.

Большинство пациентов на самом деле даже не подозревают, что с ними что-то не так, и — винят себя. Обвиняют себя. Не понимают себя.

Они видят, как падает успеваемость, как проваливаются самые простые дела, терпят равнодушные взгляды и насмешки окружающих, ссорятся с близкими и друзьями... У такого множества «похожих людей» был схожий опыт. Их изначально прекрасная жизнь была по кусочкам раздроблена и растоптана снами. Днём они сжимались, а ночью были одиноки.

— Но ведь это не наша вина.

— Поэтому я и хочу стать врачом, — в тишине ночи Чу Мянью повторил это снова.

Юй Жань знал, что для таких специальностей, как медицина или финансы, нужны очень высокие баллы, и поэтому, конечно, понимал, почему Чу Мянью каждый день учится с таким остервенением.

— А в какой университет хочешь поступать?

— Пекинский союзный медицинский колледж.

— Не слышал о таком. Он самый крутой?

— На данный момент — наверное. Может быть, в 2015 году всё изменится.

— Я так и знал, — улыбнулся Юй Жань.

— Ты обязательно захочешь поступить в самый лучший.

Чу Мянью опустил голову, уголки его губ приподнялись.

Говорить с Юй Жанем о своих целях было легко — тот сразу же их одобрял. Ведь у Юй Жаня не было никакого понятия о баллах на вступительных экзаменах, он не знал, насколько трудно человеку с нарколепсией достичь высокой цели.

Но даже несмотря на это неведение, Чу Мянью было очень приятно слышать такое доверие от Юй Жаня.

— Какое совпадение, я тоже хочу поступать в пекинский вуз, — Юй Жань удобно откинулся на спинку скамейки, задрал голову к серому ночному небу.

— Ты знаешь Центральную академию изобразительных искусств?

— Знаю, — ответил Чу Мянью. Он помнил, что его тётя окончила именно её.

— Baidu говорит, что это самый лучший вуз для художников.

Чу Мянью, вспомнив сегодняшние гипсовые геометрические фигуры, которые рисовал Юй Жань, спросил:

— Ты же говорил, что не учился?

— Да, специально не учился, но раньше меня учил один наставник, — сказал Юй Жань.

— Он говорил, что в рисовании мастерство приходит с практикой, и велел мне больше тренироваться. В интернете полно обучающих видео, так что до одиннадцатого класса нет смысла ходить в студию.

Чу Мянью повернулся и взглянул на него:

— Хочешь стать иллюстратором?

— Хочу стать мангакой.

Чу Мянью раньше слышал от тётки, что среда комиксов в Китае очень узкая, и шансов сделать это своей профессией почти нет. Большинство переквалифицируется в иллюстраторов или дизайнеров. Он уже хотел сказать это Юй Жаню, но, открыв рот, тут же сдержался.

Так же, как Юй Жань верил ему, он не хотел говорить ничего, что могло бы испортить тому настроение.

Обдумав всё, он серьёзно сказал Юй Жаню:

— У тебя хорошо получается рисовать карандашом. Даже лучше, чем у тех, кто учился по-настоящему.

— Да нет, мне кажется, очень плохо, — сказал Юй Жань, хоть блеск в его глазах ничуть не потускнел.

— Но это неважно. Когда-нибудь я обязательно добьюсь большого прогресса и стану крутым.

Чу Мянью думал, что Юй Жань, услышав похвалу, начнёт задаваться, и не ожидал, что тот окажется в этом вопросе на удивление скромным.

— А что ты хочешь рисовать?

— М-м... вроде «Короля пиратов».

— Не смотрел.

— Это же «Король пиратов»! Как ты можешь не знать его настоящее название!



— О.

Когда Юй Жань говорил о чём-то, что ему нравится, его глаза всегда начинали блестеть, становясь особенно яркими. Чу Мянью смотрел сбоку на улыбку Юй Жаня, но в его сознании всплыла картина недавнего прошлого: Юй Жань, лёжа на кровати, сосредоточенно рисует. Без всякого выражения на лице, спокойный и уравновешенный.

Чу Мянью показалось, что он, возможно, увидел другую сторону Юй Жаня, которую больше никто не видел. Сторону, где вся его показная бравада ушла вглубь, но которая приковывала взгляд сильнее, чем любое его разудалое поведение.

И только в этот момент до Чу Мяня, с некоторым опозданием, дошло осознание: оказывается, он сейчас обсуждает с Юй Жанем мечты.

То, что пряталось в самом мягком уголке его души, незаметно для него самого оказалось полностью доверено Юй Жаню.

Пока он был в замешательстве, левая рука Юй Жаня уже сжалась в кулак и, поднявшись, застыла на уровне груди.

<http://bllate.org/book/15486/2299029>